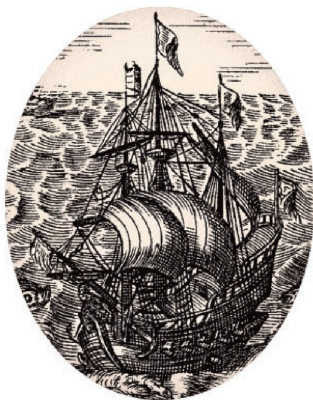

Как науки, которые теперь имеются, бесполезны для новых открытий,
так и логика, которая теперь имеется, бесполезна для открытия знаний.

НОВЫЙ ОРГАНОН

ФРЭНСИС БЭКОН

Фрэнсис Бэкон
Новый Органон
Серия «PROвласть»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43117002

Новый Органон: РИПОЛ классик; 2018

ISBN 978-5-386-10620-1

Аннотация

Основоположник эмпиризма и материализма, Фрэнсис Бэкон – один из крупнейших философов Нового времени. Его главная работа была посвящена выработке нового научного метода на смену устаревшим идеям Аристотеля – старому «Органону». Монументальным трудом Ф. Бэкона должно было стать «Великое восстановление наук». В нем английский мыслитель хотел нарисовать подробную карту нового мировоззрения, уделив внимание каждой основной науке того времени: поэзии, истории и философии.

Этой «карте», к сожалению, не было суждено завершиться, но индуктивный метод – основа восстановления – был сформулирован. Он и составляет «Новый органон».

Содержание

Франциска Веруламского великое восстановление наук	5
Вступление	5
Предисловие	11
Роспись сочинения[13]	26
Содержание каждой из частей	27
Вторая часть сочинения, называемая	47
Предисловие	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Фрэнсис Бэкон

Новый Органон

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2018

Франциска Веруламского великое восстановление наук

Вступление

**Франциск Веруламский так мыслил¹
и установил для себя такие
положения, ознакомиться с
которыми, по его мнению, важно
и ныне живущим и потомству**

Убедившись в том, что разум человеческий сам себе создает затруднения и не пользуется трезво и здраво находящимися во власти человека истинными средствами помощи, вследствие чего возникает многообразное непонимание вещей, порождающее бесчисленные ущербы, – он счел необходимым всеми силами стремиться к тому, чтобы каким-либо способом восстановить в целости или хотя бы привести к лучшему состоянию то общение между Умом и Вещами,

¹ «Франциск Веруламский так мыслил...» В 1618 г. Бэкон получил титул барона Веруламского, в январе 1621 г. – титул виконта Сент-Албанского. Английское имя Фрэнсис (Francis) по-латыни пишется Franciscus.

с коим едва ли сравнится что-либо на земле или, по крайней мере, что-либо земное. На то же, чтобы укоренившиеся и готовые укорениться навеки заблуждения исправились одно за другим самостоятельно (если предоставить Ум самому себе), собственной ли силою разума или благодаря помощи и поддержке диалектики², не было решительно никакой надежды; потому что первые понятия о Вещах, которые Ум легким и беспечным вкушением воспринимает, собирает и накапливает и от которых проистекают все остальные понятия, порочны и смутны и неправильно отвлечены от Вещей, вторичные же и остальные понятия отличаются не меньшим произволом и неустойчивостью; откуда следует, что все человеческое мышление, которым мы пользуемся для исследования природы, дурно составлено и построено и уподобляется некоей великолепной громаде без фундамента. Ибо люди, восхищаясь ложными силами духа и прославляя их, обходят и теряют истинные его силы, каковые могли бы у него быть (если бы ему была предоставлена должная помощь и сам он покорствовал бы Вещам, вместо того чтобы попираить их необузданно). Оставалось только одно: заново обратиться к Вещам с лучшими средствами и произвести Восстановление³ наук и искусств и всего человеческого знания вооб-

² Под «диалектикой» Бэкон, как видно из афоризмов XX и LXXXII первой части «Нового Органона», понимает школьную, вульгарную логику.

³ Латинское слово «*instauratio*» означает «возобновление, восстановление». Но Бэкон имеет в виду не простое восстановление старого знания, а перестройку всего здания науки на новых началах, т. е. генеральную перестройку науки.

ще, утвержденное на должном основании. И хотя этот замысел мог бы показаться чем-то бесконечным и превышающим смертные силы, однако на деле он окажется здравым и трезвым в большей степени, чем то, что делалось доньше. Ибо здесь есть какой-то выход. То же, что ныне делается в науках, есть лишь некое вращение и вечное смятение и движение по кругу. Не скрыто от него⁴, на какое одиночество обрекает этот опыт и как он мало пригоден, чтобы внушить доверие; тем не менее он не счел возможным пренебречь и делом и собою самим, не отважившись вступить на тот путь, который один только возможен для человеческого духа. Ибо лучше положить начало тому, что может привести к выходу, чем вечными усилиями и стараниями связывать себя с тем, что никакого выхода не имеет. Пути же созерцания близко соответствуют путям деятельности, о которых искони говорится, что один, в начале крутой и трудный, приводит к простору, другой, на первый взгляд удобный и спокойный, ведет к бездорожью и пропастям. И вот, не имея уверенности в том, когда все это придет кому-нибудь на ум впоследствии, каковое сомнение в него вселяло то обстоятельство, что он не нашел

Идея «великого восстановления» науки появилась у Бэкона примерно с 1583 г. К этому, приблизительно, году относится его первый опыт «Великого Восстановления», которому он дал широковещательный заголовок «Tetropolis Partus Maximus», т. е. «Величайшее Порождение Времени», и который в своем первоначальном виде до нас не дошел. Самый термин «Instauratio Magna» встречается у него с 1608–1609 гг.

⁴ Франциска Веруламского. – *Примеч. пер.*

никого, кто в прошлом обратил бы свой ум к подобным размышлениям, он решил обнародовать первое, к чему удалось прийти. Эта поспешность была вызвана не тщеславием, а заботой о том, что если с ним что случится по бренности человеческой, то все же осталось бы некое начертание и обозначение дела, которое он обнял своим замыслом; и тем самым остался бы некоторый знак его искреннего и доброго стремления ко благу человеческого рода. Всякое же иное притязание он поистине счел недостойным задуманного дела. Ибо дело, о котором идет речь, или вовсе ничтожно, или таково, что подобает довольствоваться самою заслугой и не искать награды вовне.

*Светлейшему и могущественнейшему государю
и господину нашему*

ИАКОВУ⁵, Божией милостью

Великой Британии, Франции и Гибернии⁶ королю, веры защитнику и прочая

Светлейший и могущественнейший государь, твое Величество, сможет, пожалуй, обвинить меня в хищении за то, что я похитил от твоих дел столько времени, сколько потребовала приносимая тебе книга. Мне нечего возразить; ибо нет возврата времени. Но может быть тот ущерб, который

⁵ Иаков I (английский король с 1603 до 1625 г.) написал несколько политических и богословских сочинений, несколько сборников стихов, поэму и трактат о шотландской поэзии.

⁶ Гиберния – Ирландия.

понесло время, принадлежащее твоим делам, будет возмещен памятью твоего имени и славой твоего века, если только приносимое имеет какую-нибудь цену. Во всяком случае оно ново и притом вполне, хотя и списано с весьма старого образца, а именно самого мира и природы вещей и духа. Сам я (признаюсь откровенно) считаю этот труд скорее порождением времени, чем Ума. Ибо только одно в нем достойно удивления, – что кому-то могли прийти на ум начатки дела и столь сильные сомнения в том, что получило силу. Остальное же следует без труда. Но присущ несомненно случай (как мы говорили) и нечто как бы нечаянное тому, что думают люди, не менее чем тому, что они делают или говорят. Но я хотел бы, чтобы этот случай (о котором я говорю) был понят таким образом, что если в приносимом мною есть нечто хорошее, то это должно быть приписано бесконечному милосердию и благодати Божией и счастливому благоденствию времен твоих, государя, которому я и при жизни служил с непоколебимым усердием и по смерти, быть может, достигну того, что твои времена станут светить потомству новым сим факелом, зажженным во тьме философии. И по заслугам принадлежит это Возрождение и Восстановление наук временам государя мудрейшего и ученейшего из всех. Остается просьба, не недостойная твоего Величества и более чем что бы то ни было важная для нашего замысла. Она заключается в том, чтобы, многим уподобляясь Соломону – силою правосудия, мирным правлением, величием сердца, наконец

превосходным разнообразием составленных тобою книг, – ты прибавил к этому, по примеру того же царя, заботу о составлении и завершении Истории⁷ Естественной и Опытной, истинной и строгой (отбросившей филологию), такой, которая была бы пригодна для основания философии, короче, такой, какую мы ее опишем в своем месте; чтобы наконец после стольких веков существования мира философия и науки более не были висящими в воздухе, а опирались на прочные основания разнородного и притом хорошо взвешенного опыта. Я дал Орудие⁸, материал же нужно искать в самих Вещах. Да хранит долго Всеблагий Всевышний Господь твое Величество.

Светлейшего твоего Величества раб усерднейший и преданнейший ФРАНЦИСК ВЕРУЛАМ, канцелларий

⁷ Слово «история» обозначает здесь не историю в современном смысле, а вообще всякого рода исследование, описание, собрание материалов и т. п.

⁸ «Орудие» – инструмент, средство к получению истинного познания, метод.

Предисловие Франциска Веруламского великое восстановление

О том, что состояние наук неблагоприятно и не показывает их роста; и о том, что необходимо открыть человеческому разуму новую дорогу, совершенно отличную от той, которая была известна нашим предшественникам, и дать ему новые средства помощи, чтобы дух мог пользоваться своими правами на природу⁹.

Нам кажется, что люди не знают вполне ни своих богатств, ни своих сил, а представляют себе первые большими, а вторые меньшими, чем они есть в действительности. От этого происходит, что они, придавая непомерную цену унаследованным искусствам, не ищут ничего большего, или, слишком низко ставя самих себя, тратят свои силы на ничтожное, а не испытывают их в том, что важно для существа дела. Поэтому и у наук есть как бы свои роковые пограничные столбы, и проникнуть далее не побуждает людей ни стремление, ни надежда. Но так как преувеличенное представление о своем богатстве является одной из главнейших причин бедности и

⁹ Бэкон здесь дает общую критику состояния науки в его время. Ошибочно было бы видеть здесь скептицизм. Бэкону критика науки нужна для того, чтобы подчеркнуть значение его открытия. Предисловие очень важно для понимания философии Бэкона, так как дает сжатое ее изложение.

так как доверие к настоящему заставляет пренебречь истинными средствами помощи для будущего, то уместно и даже прямо необходимо в самом начале нашего труда отвести избыток почета и преклонения от всего того, что найдено до сих пор (оставив при этом в стороне околичности и притворство), и надлежащим увещанием достигнуть того, чтобы люди не преувеличивали и не прославляли изобилие и пользу того, что у них имеется.

Действительно, если кто внимательно рассмотрит все то разнообразие книг, в которых превозносятся науки и искусства, то повсюду он найдет бесконечные повторения одного и того же, по способу изложения различные, но по содержанию заранее известные, так что все это, с первого взгляда представлявшееся многочисленным, после проверки окажется скудным. Что же касается полезности этого, то тут надо сказать открыто, что та мудрость, которую мы почерпнули преимущественно у греков, представляется каким-то детством науки, обладая той отличительной чертой детей, что она склонна к болтовне, но бессильна и не созрела для того, чтобы рождать. Она плодовита в спорах, но бесплодна в делах; так что как нельзя более живо отражает состояние наук, каково оно ныне, басня о Сцилле, у которой была голова и лицо девы, а у чресл было опоясание из лающих чудовищ. Так и обычные для нас науки показывают общие положения, привлекательные и благообразные, но если обратиться к частностям как рождающим частям, чтобы они по-

дали плоды и дела, то возникают препирательства и злобный лай споров, к которым они приходят и которые заменяют порождение плодов. Кроме того, если бы науки этого рода не были вполне мертвой вещью, то очевидно менее всего могло бы произойти то, что наблюдается на протяжении уже многих столетий, а именно, что они остаются почти неподвижными на своем месте и не получают приращений, достойных человеческого рода; так что часто не только утверждение остается утверждением, но и вопрос остается вопросом, и диспуты не разрешают его, а укрепляют и питают. Вся же последовательность и преемственность наук являет образ учителя и слушателя, а не изобретателя и того, кто прибавит к изобретениям нечто выдающееся. В механических же искусствах мы наблюдаем противоположное: они, как будто восприняв какое-то живительное дуновение, с каждым днем возрастают и совершенствуются; и, являясь у первых основоположников по большей части грубыми и как бы тяжеловесными и бесформенными, в дальнейшем достигают новых способностей и некоей соразмерности, так что скорее прекратятся и изменятся стремления и желания людей, чем эти искусства дойдут до предела своего совершенствования. Напротив того, философия и науки разума, подобно изваяниям, встречают преклонение и прославление, но не двигаются вперед. Нередко бывает даже, что они наиболее сильны у первого основоположника, а затем вырождаются. Ибо, после того как люди стали послушными ученика-

ми и столпились вокруг мнения кого-либо одного (наподобие сенаторов-пешеходов)¹⁰, они не придают более полноты наукам, а занимаются, как прислужники, тем, что разукрашивают и сопровождают того или иного автора. Пусть никто не возражает, что науки, понемногу подрастая, дошли наконец до некоторого удовлетворительного состояния и только после этого (как бы завершив положенный путь) в трудах немногих людей обрели постоянное место; и что раз ничего лучшего изобрести нельзя, то остается изукрашивать и чтить изобретенное ранее. Хорошо было бы, если бы это было так. Но справедливее и вернее, что это пленение наук порождено не чем иным, как самонадеянностью немногих людей и нерадивостью и косностью остальных. Ибо после того как науки в своих частях были, может быть, прилежно разработаны и развиты, нашелся кто-нибудь, кто, обладая смелым умом и сумев изящной сжатостью рассуждения снискать общее расположение и похвалу, внешним образом установил основы искусства, а на самом деле извратил труды древних. Но это и оказывается обыкновенно желательным для потомства, потому что такой труд легко доступен, а новое исследование скучно и утомительно. Между тем, если кто поддается впечатлению от всеобщего и уже укоренившегося согласия – как бы суда времени, – то пусть он знает, что опирается на со-

¹⁰ Сенаторы-пешеходы – *senatores pedarii* – римские сенаторы низшей категории, которые не высказывали собственного мнения, а только участвовали в голосовании, расходясь на две стороны.

вершенно обманчивое и шаткое основание. Ведь нам в значительной части неизвестно, что было обнаружено и обнаружено в науках и искусствах на протяжении веков и стран; и еще гораздо менее – какие попытки и тайные замыслы принадлежали отдельным людям. Так остаются вне летописей порождения времени, и здоровые и недоношенные. Самое же согласие и его длительность решительно нельзя высоко ценить. Действительно, в то время как есть много различных родов государственного устройства, у наук есть единственный строй, и он всегда был и останется народоправством¹¹. А наибольшую силу у народа имеют учения или сварливые и задорные или пышные и пустые, то есть такие, которые приобретают сторонников, или улавливая их в сети или заманивая. Поэтому несомненно, что лучшие умы во все времена подвергались насилию: люди, обладавшие незаурядными дарованиями и разумом, все же подчинялись суждению современности и толпы, желая возвыситься в ее мнении. Поэтому, если где-либо и показывались более возвышенные созерцания, то сразу же бывали унесены и угашены ветром ходячих мнений; так что время, подобно реке, донесло до нас то, что легко и надуту, и поглотило то, что полновесно и твердо. Ведь даже и те самые авторы, которые захватили некую диктатуру в науках и с такой самоуверенностью высказываются о Вещах, время от времени, словно опомнив-

¹¹ «Народоправством» – popularis. Как видно из контекста, Бэкон употребляет этот термин с осуждением.

шись, обращаются к сетованиям о тонкости природы, сокровенности истины, темноте вещей, запутанности причин, слабости человеческого Ума, проявляя, впрочем, при этом несколько не больше скромности, так как предпочитают ссылаться на общее положение людей и вещей, чем признаться в собственном бессилии. Мало того, у них стало чуть ли не обязательным все то, чего какое-либо искусство не смогло достигнуть, объявлять невозможным, на основании этого самого искусства. Но, конечно, искусство не может оказаться осужденным, если оно само ведет суд и разбирательство. И вот, их старания направлены к тому, чтобы освободить невежество от бесславия. Что же касается того, что унаследовано и воспринято, то оно примерно таково: в практической части бесплодно, полно нерешенных вопросов; в своем росте медлительно и вяло; тщится показать совершенство в целом, но дурно заполнено в своих частях; по содержанию угождает толпе и сомнительно для самих авторов, а потому ищет защиты и показной силы во всевозможных ухищрениях. А те, кто решился сам сделать попытку, отдавшись наукам, расширить их пределы, не отважились ни решительно отказаться от воспринятого ранее, ни обратиться к источникам Вещей. Они считают, что достигли чего-то великого, если придадут и добавят хоть что-нибудь свое, благоразумно полагая, что согласиём с чужим они проявляют скромность, а добавлением своего утверждают собственную свободу. Но в заботе о мнениях и приличиях эти хваленые посредствен-

ности приносят большой ущерб науке. Едва ли возможно одновременно и преклоняться перед авторами, и превзойти их. Здесь перед нами подобие вод, которые не поднимаются выше того уровня, с которого они спустились. Таким образом эти люди кое-что исправляют, но мало двигают дело вперед, и достигают улучшения, но не приращения. Были, впрочем, и такие, которые с большей решимостью сочли для себя все подлежащим пересмотру заново и, со стремительной пылкостью ума ниспровергая и сокрушая все предшествующее, расчистили доступ для себя и своих мнений; но произведенный ими шум не принес большой пользы, так как они старались не пополнить философию и искусства трудом и делом, а только заменить одни мнения другими и захватить власть в их царстве, а это, конечно, приносило мало плодов, потому что противоположным заблуждениям свойственны почти одни и те же причины блужданий. Если же иные, не подчиняясь ни чужим, ни своим собственным мнениям, но желая содействовать свободе, были одушевлены стремлением побудить других к совместным исканиям, то в своих замыслах они заслуживают уважения, но в своих попытках остались бессильны. Ибо они, очевидно, следовали только изображениям вероятности и, увлеченные водоворотом доказательств, подорвали строгость исследования беспорядочной вольностью своих поисков. Никого мы не находим, кто должным образом остановился бы на самих Вещах и на опыте. С другой стороны, многие пустившиеся в плавание по вол-

нам опыта и почти сделавшиеся механиками все же в самом опыте прибегают к какому-то ложному пути исследования и не подвизаются в нем по определенному закону. Кроме того, большинство из них поставило перед собой какие-то ничтожные задачи, считая чем-то великим, если им удастся произвести на свет какое-нибудь единственное изобретение – замысел не менее ограниченный, чем неразумный. Ведь никто не может правильно и удачно исследовать природу какой-либо Вещи, ограничиваясь самой этой вещью; трудолюбиво видоизменяя свои опыты, он не успокаивается после них, а находит предмет для дальнейших исследований. Но прежде всего нельзя забывать, что всякое усердие в опытах всегда с самого начала с преждевременной и неуместной торопливостью устремлялось на какие-нибудь заранее намеченные практические приложения; оно искало, хочу я сказать, плодоносных, а не светоносных опытов, и не последовало божественному порядку, который в первый день создал только свет и на это уделил полностью один день, не производя в этот день никаких материальных творений, но обратившись к ним лишь в последующие дни. Те же, кто приписал величайшее значение диалектике, надеясь найти в ней самую верную помощь наукам, вполне справедливо и правильно поняли, что человеческий разум, предоставленный самому себе, не заслуживает доверия. Но лекарство оказывается слабее болезни, да и само не свободно от болезни. В самом деле, общепринятая диалектика, будучи вполне при-

менима в гражданских делах и в тех искусствах, которые основаны на речи и мнении, все же далеко не достигает тонкости природы; и пытаясь поймать неуловимое, содействовала скорее укоренению и как бы закреплению ошибок, чем расчистке пути для истины.

Итак, чтобы сделать вывод из сказанного, – до сих пор, по-видимому, людям не подали счастливого света для наук ни посторонняя помощь, ни собственное старание; тем более что и в доказательствах и в опытах, известных доньше, мало пользы. Здание этого нашего мира и его строй представляет собой некий лабиринт для созерцающего его человеческого разума, который встречает здесь повсюду столько запутанных дорог, столь обманчивые подобия Вещей и знаков, столь извилистые и сложные петли и узлы природ. Совершать же путь надо при неверном свете чувства, то блистающем, то прячущемся, пробираясь сквозь лес опыта и частных Вещей. Притом же (как мы сказали) вожатые, встречающиеся на этом пути, сами сбиваются с дороги и увеличивают число блужданий и блуждающих. При столь тяжелых обстоятельствах приходится оставить всякую надежду на суждения людей, почерпнутые из их собственных сил, и также на случайную удачу. Ибо, каково бы ни было превосходство сил Ума и как бы часто ни повторялся жребий опыта, они не в состоянии победить все это. Надо направить наши шаги путеводной нитью и по определенному правилу обезопасить всю дорогу, начиная уже от первых восприятий чувств. Впрочем,

это не должно быть понято так, будто столькими столетиями и такими трудами вовсе ничего не достигнуто. Мы отнюдь не досадуем на то, что уже найдено. Несомненно, в том, что зависит от отвлеченного размышления и от силы ума, древние показали себя людьми достойными удивления. Но подобно тому как в прежние века, когда люди в морских плаваниях направляли свой путь только посредством наблюдений звезд, они могли, конечно, обойти берега Старого Света или пересечь некоторые малые и окруженные землями моря; по прежде чем переплыть океан и открыть области Нового Света, необходимо было узнать употребление мореходной иглы¹² как более верного и надежного вожатого в пути, точно так же все то, что до сих пор найдено в искусствах и науках, это Вещи такого рода, которые могли быть добыты практикой, размышлением, наблюдением, рассуждением, ибо они близки к чувствам и лежат почти под самой поверхностью обычных понятий; но прежде чем удастся причалить к более удаленному и сокровенному в природе, необходимо ввести лучшее и более совершенное применение человеческого духа и разума.

И вот мы, побежденные вечной любовью к истине, отважились вступить на неизведанный путь среди круч и пустынь; и, полагаясь, и уповая на божественную помощь, противопоставили наш дух и ожесточению, и как бы боевому

¹² «Мореходной иглы» – компаса. Бэкон сравнивает свой метод с надежным компасом в пути опытного исследования природы.

строю общераспространенных мнений, и собственным внутренним колебаниям и сомнениям, и затемненности, туманности и повсюду представляющимся ложным образам Вещей, чтобы добыть наконец для ныне живущих и для потомства более верные и надежные указания. И если мы в этом достигнем чего-нибудь, то путь к этому нам открыло не какое-либо иное средство, как только справедливое и законное принижение человеческого духа. Действительно, ранее нас все, кто обращался к изобретению искусств, бросив поверхностный взгляд на Вещи, примеры и опыт, тотчас же как бы взывали к собственному духу, чтобы он подал им оракул, как будто изобретение – это не что иное, как некое выдумывание. Мы же, постоянно и добросовестно оставаясь среди Вещей, не отвлекаем разум от вещей далее, чем это необходимо, чтобы могли сойтись изображения и лучи Вещей (как это бывает в случае ощущений); вследствие чего немного остается на долю сил и превосходства Ума. И той же смиренности, которую мы проявляем в изобретении, мы следуем и в поучении. Мы не стараемся придать этим нашим изобретениям большой вес триумфами опровержений, взыванием к древности, каким-либо использованием авторитета или наконец покровом затемненности; хотя найти все это было бы не трудно тому, кто пытался бы снискать свет для своего имени, а не для душ других. Мы не создали, повторяю, и не готовим никакого насилия и никакой западни для суждений людей, а приводим их к самим Вещам и к связям Ве-

щей, чтобы они сами видели, что им принять, что опровергать, что прибавить от себя и сделать общим достоянием. Если же мы в чем-либо приняли на веру ложное, или задремали и не были достаточно внимательны, или, утомившись в пути, оборвали исследование, то все же мы показываем Вещи обнаженными и открытыми таким образом, что наши ошибки можно отметить и выделить раньше, чем они проникнут в глубину тела науки; и вместе с тем оказывается легким и удобным продолжение наших трудов. Таким образом, как мы полагаем, мы навсегда укрепили истинное и законное сочетание способностей опыта и рассудка, коих опрометчивое и злополучное расторжение и разлучение создало общее смятение в семье людей.

Поэтому в начале нашего труда мы возносим к Богу Отцу, Богу Слову и Богу Духу смиреннейшие и пламеннейшие моления о том, что не в нашей власти, чтобы они, помня о тяготах рода человеческого и о существовании этой жизни, в которой мы проводим немногие и горькие дни, удостоили подать семье людей через наши руки новый дар своего милосердия. И еще мы коленопреклоненно молим о том, чтобы человеческое не оказалось во вред Божественному и чтобы открытие путей чувства и яркое возжжение естественного света не породило в наших душах ночь и неверие в Божественные таинства; но чтобы, напротив, чистый разум, освобожденный от ложных образов и суетности и все же послушный и вполне преданный Божественному откровению, воздал вере то, что

вере принадлежит. Наконец, чтобы, отбросив тот влитый в науку змием яд, от коего вспухает и надмеваётся дух человеческий, мы не возносились мудростью и не шли далее трезвой меры, но в кротости чтили истину.

Совершив моление, мы обратимся к людям со спасительным увещанием и со справедливым требованием. Прежде всего мы увещеваем их – о чем мы и возносили моления – сдерживать чувство в его деятельности, поскольку дело касается Божественного. Ибо чувство (наподобие солнца) лицо земного шара открывает, а небесного – замыкает и сокрывает. С другой стороны, пусть они, избегая этого зла, не погрешат противоположной ошибкой, в которую они впадут, если будут думать, что исследование природы в какой-либо части как бы ограждено от них запрещением. Ведь не то чистое и незапятнанное знание природы, в силу которого Адам дал Вещам названия по их свойствам, было началом и причиной падения; но тщеславная и притязательная жадность морального знания, судящего о добре и зле, – вот она-то была причиной и основанием искушения к тому, чтобы человек отпал от бога и сам дал себе законы. О науках же, созерцающих природу, говорит святой философ: слава Божья – сокрыть вещь, слава же царская – вещь обрести; не иначе, как если бы божественная природа забавлялась невинной и дружелюбной игрой детей, которые прячутся, чтобы находить друг друга, и, в своей снисходительности и доброте к людям, избрала себе сотоварищем для этой игры человеческую

душу. Наконец, мы хотим предостеречь всех вообще, чтобы они помнили об истинных целях науки и устремлялись к ней не для развлечения и не из соревнования, не для того, чтобы высокомерно смотреть на других, не ради выгод, не ради славы или могущества или тому подобных низших целей; но ради пользы для жизни и практики; и чтобы они совершали и направляли ее в любви. Ибо от стремления к могуществу пали ангелы, в любви же нет избытка, и никогда чрез нее ни ангел, ни человек не был в опасности.

Требования же, которые мы предъявляем, таковы. О самих себе мы молчим, но для предмета, о котором идет речь, мы хотим, чтобы люди считали его не мнением, а делом и были уверены в том, что здесь полагаются основания не какой-либо секты или теории, а пользы и достоинства человеческого. Затем, чтобы они, отбросив предубеждения и пристрастия к каким-либо мнениям, со всей непредвзятостью сообща пеклись о своем преуспевании; и, нашей поддержкой и помощью освобожденные и защищенные от блужданий и препятствий в пути, приняли и сами участие в тех трудах, которые еще предстоят. Наконец, чтобы они прониклись доброй надеждой и не представляли в своем уме и воображении наше Восстановление чем-то бесконечным и превышающим силы смертных, тогда как на самом деле оно есть законный конец и предел бесконечного блуждания; оно не забывает о смертности человеческой, так как совсем не предполагает, что дело может быть завершено на протяжении одного века,

но предназначает его для преимущества поколений; наконец, оно не ищет высокомерно науки в кельях человеческого Ума, а смиренно обращается за ними к великому миру. Но то, что пусто, обыкновенно бывает обширным; твердое же бывает наиболее сжатым и располагается в малом объеме. Наконец мы считаем нужным (чтобы никто не вздумал проявить по отношению к нам несправедливости, опасной для самого дела) потребовать от людей, чтобы они подумали, насколько им позволительно, на основании того, что нам оказалось необходимым утверждать (раз мы хотим быть последовательны), выносить мнение и суждение о том, что мы предлагаем; ибо мы отвергаем все это мышление человеческое, незрелое, предвзятое, опрометчиво и слишком торопливо отвлеченное от Вещей (поскольку оно касается исследования природы), как вещь непостоянную, беспорядочную и дурно построенную. Нельзя требовать, чтобы суд совершался тем, что само должно быть судимо.

Роспись сочинения¹³

Устанавливаются шесть его частей

Первая. Разделение Наук.

Вторая. Новый Органон, или Указания для истолкования природы.

Третья. Явления мира, или Естественная и экспериментальная история для основания Философии.

Четвертая. Лестница Разума.

Пятая. Предвестия или Предзнаменования Второй Философии.

Шестая. Вторая философия, или Действенная Наука.

¹³ «Новый Органон» составляет, по плану Бэкона, вторую часть «Великого Восстановления». Интересно изложение содержания этой второй части, в которой Бэкон дает критику схоластической логики, силлогизма, случайного опыта и указывает на значение индукции и эксперимента.

Содержание каждой из частей

Часть нашей задачи заключается в том, чтобы изложить все ясно и наглядно, насколько это возможно. Ибо нагота духа, как некогда нагота тела, есть спутник невинности и простоты. Итак, покажем прежде всего распорядок и план сочинения. Частей его мы устанавливаем шесть. Первая часть дает очерк или общее описание той науки или того учения, обладание которым в настоящее время принадлежит человеческому роду. Мы сочли нужным несколько задержаться и на том, что нами унаследовано, конечно, с тем условием, чтобы легче достигнуть и усовершенствования старого, и доступа к новому. Ибо почти равное усердие нас влечет и к упорядочению старого и к достижению дальнейшего. К тому же это содействует приобретению доверия, согласно положению: *Не воспринимает невежда слов науки, если не сказать прежде то, что заключено в его сердце.* Итак, мы не пренебрежем тем, чтобы совершить плавание вдоль берегов унаследованных наук и искусств и мимоходом внести в них кое-что полезное.

Но при этом мы дадим такое распределение наук, которое обнимает не только то, что уже найдено и известно, но и то, что до сих пор опускалось и только подлежит нахождению. Ведь и в мире разума, как в мире земном, есть наряду с возделанными областями и пустыни. Поэтому не должно

казаться странным, если мы иногда отступаем от общепринятых разделений. Ибо всякое добавление, изменяя целое, неизбежно изменяет и части и их разделы, и унаследованные разделения пригодны только для унаследованной совокупности наук, какова она теперь.

По отношению же к тому, что мы отметим как пропущенное, мы будем поступать таким образом, что предложим нечто большее, чем простые заглавия и краткое содержание нужного: если мы что-нибудь укажем среди пропущенного (лишь бы только оно имело своим содержанием достаточно важный предмет), и оно представится несколько темным, так что мы будем иметь основание опасаться, что людям будет трудно понять, что мы имеем в виду и какова та работа, которую мы намечаем в мыслях, то в этих случаях мы всегда озаботимся присоединить или наставление о том, как должна производиться подобная работа, или часть самой работы, выполненную нами в качестве образчика для всего целого; таким образом, мы в каждом случае поможем или советом, или делом. Притом же мы считаем важным не только для пользы других, но и для нашей доброй славы, чтобы никто не думал, будто нашего ума коснулось лишь некое слабое представление о вещах этого рода и то, чего мы желаем и к чему стремимся, подобно мечтам. Между тем все это таково, что и у людей есть для этого полная возможность (если только они не повредят сами себе), и мы даем некоторый определенный и развернутый план. Ведь мы хотим не измерять эти области

Умом, как авгуры, чтобы найти в них предзнаменования, но войти в них как вожди, и только в этом видим заслугу.

Такова первая часть сочинения.

Далее, миновав старые искусства, мы подготовим человеческий разум к переправе. Итак, для второй части предназначается учение о лучшем и более совершенном применении разума к исследованию Вещей и об истинной помощи разуму; чтобы тем возвысился разум (насколько это допускает участь смертных) и обогатился способностью преодолевать трудное и темное в природе. Это приносимое нами искусство (которое мы обыкновенно называем *Истолкованием Природы*) родственно логике; и все же чрезвычайно, и даже прямо бесконечно, от нее отличается. Действительно, ведь и обычная логика заявляет, что она изобретает и доставляет поддержку и помощь разуму; в этом одном они совпадают. Но резкое различие между ними заключается главным образом в трех вещах: в самой цели, в порядке доказательства и в началах исследования.

В самом деле, перед этой нашей наукой стоит задача нахождения не доказательств, а искусств, и не того, что соответствует основным положениям, а самих этих положений и не догадок и вероятностей, а обозначений и указаний для практики. Но за различием в устремлениях следует и различие в действиях. Там рассуждениями побеждают и подчиняют себе противника; здесь – делом природу.

Такой цели соответствует также природа и порядок самих

доказательств. В обычной логике почти вся работа сосредоточена в Силлогизме. О наведении же диалектики невидимому едва ли и подумали серьезно, ограничиваясь поверхностным упоминанием о нем, чтобы поспешно перейти к формулам рассуждений. Мы же отбрасываем доказательство посредством Силлогизмов, потому что оно действует неупорядоченно и упускает из рук природу. Ибо, хотя никто не может сомневаться в том, что содержания, совпадающие со средним термином, совпадают между собой (в этом заключена некая математическая достоверность), тем не менее остается та возможность ошибки, что Силлогизм состоит из предложений, предложения из слов, а слова – это символы и знаки понятий. Поэтому, если понятия разума (которые составляют как бы душу слов и основу всего такого построения и деятельности) дурно и опрометчиво отвлечены от вещей, смутны и недостаточно определены и очерчены, короче, если они порочны во многих отношениях, то все рушится. Итак, мы отбрасываем Силлогизм, и не только для основных начал (к которым и другие его не применяют), но и для средних предложений, которые Силлогизм, правда, так или иначе выводит и порождает, но лишь как бесплодные в работе, удаленные от практики и совершенно непригодные в действенной части наук. Таким образом, хотя мы оставляем за Силлогизмом и тому подобными знаменитыми и прославленными доказательствами их права в области обыденных искусств и мнений (ибо здесь мы ничего не затрагиваем), од-

нако по отношению к природе вещей мы во всем пользуемся наведением как для меньших предложений, так и для больших, *Наведение* мы считаем той формой доказательства, которая считается с данными чувствами и настигает природу и устремляется к практике, почти смешиваясь с нею.

Итак, и самый порядок доказательства оказывается прямо обратным. До сих пор обычно дело велось таким образом, что от чувства и частного сразу воспаряли к наиболее общему, словно к твердой оси, вокруг которой должны вращаться рассуждения; а оттуда выводилось все остальное через средние предложения – путь, конечно, скорый, но крутой и не ведущий к природе, но уклоняющийся к спорам и приспособленный для них. У нас же постоянно и постепенно устанавливаются аксиомы, чтобы только в последнюю очередь прийти к наиболее общему; и само это наиболее общее получается не в виде бессодержательного понятия, а оказывается хорошо определенным и таким, что природа признает в нем нечто подлинно ей известное и укорененное в самом сердце Вещей.

Но и в самой форме наведения и в получаемом через него суждении мы замысливаем великие перемены. Ибо то наведение, о котором говорят диалектики и которое происходит посредством простого перечисления, есть нечто детское, так как дает шаткие заключения, и подвержено опасности от противоречащего примера, и взирает только на привычное, и не обретает выхода.

Между тем для наук нужна такая форма наведения, которая производила бы в опыте разделение и отбор и путем должных исключений и отграничений делала бы необходимые выводы. Но если тот обычный способ суждения диалектиков был так хлопотлив и утомлял такие умы, то насколько больше придется трудиться при этом другом способе, который извлекается из глубин духа, но также и из недр природы?

Но и здесь еще не конец. Ибо и основания наук мы полагаем глубже и укрепляем, и начала исследования берем от больших глубин, чем это делали люди до сих пор; так как мы подвергаем проверке то, что обычная логика принимает как бы по чужому поручительству. Ведь диалектики берут начала наук как бы займы от отдельных наук; далее, они преклоняются перед первыми понятиями Ума; и наконец успокаиваются на непосредственных данных хорошо расположенного чувства. Мы же утверждаем, что истинная логика должна войти в области отдельных наук с большей властью, чем та, которая принадлежит их собственным началам, и требовать отчета от самих этих мыслительных начал до тех пор, пока они не окажутся вполне твердыми. Что же касается первых понятий разума, то среди того, что собрал предоставленный самому себе разум, нет ничего такого, что мы не считали бы подозрительным и подлежащим принятию лишь только в том случае, если оно подвергнется новому суду, который и вынесет свой окончательный приговор. Мало того, и

данные самого чувства мы подвергаем многообразной проверке. Ибо чувства неизбежно обманывают, но и указывают свои ошибки; только ошибки близки, а указания на них приходится искать далеко. Недостаточность чувства двойка: оно или отказывает нам в своей помощи, или обманывает нас. Что касается первого, то есть множество вещей, которые ускользают от чувства, хотя бы и хорошо расположенного и несколько не затрудненного, либо вследствие тонкости самого тела, либо вследствие малости его частей, либо вследствие дальности расстояния, либо вследствие медленности или также и быстроты движения, либо вследствие привычности предмета, либо по другим причинам. С другой стороны, и тогда, когда чувство охватывает предмет, его восприятия недостаточно надежны. Ибо свидетельство и осведомление чувств всегда основано на аналогии человека, а не на аналогии мира; и весьма ошибочно утверждение, что чувство есть мера Вещей.

И вот, чтобы помочь этому, мы, в своем усердном и верном служении, отовсюду изыскиваем и собираем пособия для чувства, чтобы его несостоятельности дать замену, его уклонениям – исправления. И замышляем мы достигнуть этого при помощи не столько орудий, сколько опытов. Ведь тонкость опытов на много превосходит тонкость самого чувства, хотя бы и пользующегося содействием изысканных орудий (мы говорим о тех опытах, которые разумно и в соответствии с правилами придуманы и приспособлены для пости-

жения предмета исследования). Таким образом, непосредственному восприятию чувства самому по себе мы не придаем много значения, но приводим дело к тому, чтобы чувство судило только об опыте, а опыт о самом предмете. Поэтому мы полагаем, что поставили себя бережными покровителями чувства (от которого нужно всего искать в исследовании природы, если только мы не хотим безумствовать) и не малоопытными истолкователями его вещаний, так что выходит, что другие лишь неким исповеданием, а мы самим делом чтим и охраняем чувство. Таково то, что мы готовим в качестве светоча, который надо возжечь и внести в природу; и это само по себе было бы достаточно, если бы человеческий разум был ровен и подобен выглаженной табличке. Но так как умы людей настолько заполнены, что совершенно отсутствует гладкая и удобная почва для восприятия подлинных лучей Вещей, то возникает необходимость подумать об изыскании средства и против этого.

Призраки же, которыми одержим дух, бывают либо Приобретенные, либо Врожденные. Приобретенные вселились в умы людей либо из мнений и учений философов, либо из превратных законов доказательств. Врожденные же присущи природе самого разума, который оказывается гораздо более склонным к заблуждениям, чем чувство. Действительно, как бы ни были люди самодовольны, впадая в восхищение и едва ли не преклонение перед человеческим духом, несомненно одно: подобно тому как неровное зеркало изменяет

ход лучей от предметов сообразно своей собственной форме и сечению, так и разум, подвергаясь воздействию Вещей через посредство чувства, при выработке и придумывании своих понятий грешит против верности тем, что сплетает и смешивает с природой Вещей свою собственную природу.

При этом первые два рода Призраков искоренить трудно, а эти последние вовсе невозможно. Остается только одно: указать их, отметить и изобличить эту враждебную Уму силу; чтобы не произошло так, что от уничтожения старых сразу пойдут новые побег заблуждений, в силу недостатков самой природы Ума, и в конечном итоге заблуждения будут не уничтожены, а умножены; но чтобы, напротив того, было наконец признано и закреплено навсегда, что разум не может судить иначе, как только через наведение в его законной форме. Итак, наше учение об очищении разума для того, чтобы он был способен к истине, заключается в трех изобличениях: изобличении философией, изобличении доказательств и изобличении прирожденного человеческого разума. Когда же все это будет развито и когда наконец станет ясным, что приносила с собой природа Вещей и что – природа Ума, тогда мы будем считать, что при покровительстве Божественной благодати завершили убранство свадебного терема Духа и Вселенной. И свадебное пожелание заключается в том, чтобы от этого сочетания произошли средства помощи для людей и поколение изобретений, которые до некоторой степени смягчат и облегчат нужды и бедствия людей.

Такова вторая часть сочинения.

Но в наши намерения входит не только указать и снарядить путь, но и вступить на него. Поэтому третья часть сочинения обнимает *Явления Мира*, то есть разнообразный опыт и естественную историю такого рода, которая могла бы послужить основой для построения философии. Ведь как бы ни был превосходен путь доказательств и способ истолкования природы, он не может, предохраняя и удерживая Ум от ошибок и блужданий, в то же время доставлять и подготавливать ему материал для знания. Но кто ставит перед собой задачу не высказывать предположения и бредить, а находить и знать, и кто намерен не выдумывать каких-то обезьян мира и сказки о мире, а рассматривать и как бы рассекать природу самого этого подлинного мира, тому надо все искать в самих Вещах. И для замены или возмещения этого труда и исследования и странствования по миру не может оказаться достаточной никакая мудрость или размышление или доказательство, хотя бы сошлись все силы всех умов. Таким образом или все это должно быть налицо, или надо навсегда отказаться от задуманного дела. Но до нынешнего дня у людей дело обстояло так, что нет ничего удивительного, если природа им не открывалась.

Действительно, во-первых, осведомление самого чувства и недостаточное и обманчивое; наблюдение недостаточно тщательное и беспорядочное и как бы случайное; предание суетное и основанное на слухах; практика, рабски устрем-

ленная на свое дело; сила опытов слепая, тупая, смутная и незаконченная; наконец естественная история и легковесная и скудная – все это давало разуму лишь совершенно порочный материал для философии и наук.

Затем, при совершенно безнадежном положении дела, пытаются найти запоздалое средство помощи в превратной и суетливой тонкости рассуждений, но это нисколько не улучшает положения и не устраняет заблуждений. Таким образом, вся надежда на больший рост и движение вперед заключена в некоем Восстановлении наук.

Начала его надо почерпнуть в естественной истории; но и сама она должна быть нового рода и состава. Ведь тщетно было бы полировать зеркало, если бы отсутствовали предметы для изображения; и конечно необходимо приготовить для разума подходящий материал, а не только дать ему верные средства помощи. Отличается же наша история (как и наша логика) от ныне существующей весьма многим: целью или задачами, самим содержанием и составом, далее тонкостью, наконец отбором и расположением, учитывающим дальнейшее.

Действительно, прежде всего мы предлагаем такую естественную историю, которая бы не столько развлекала разнообразием предметов или была полезна непосредственными плодами опытов, сколько проливала свет на нахождение причин и дала питающую грудь вскармливаемой философии. Ибо хотя мы более всего устремляемся к практике и к дей-

ственной части наук, однако мы выжидаем время жатвы и не пытаемся пожинать мох и зеленые всходы. Ведь мы хорошо знаем, что правильно найденные аксиомы ведут за собой целые отряды практических приложений и показывают их не поодиночке, а целой массой. Преждевременную же и ребяческую погоню за немедленным получением залогов новых практических приложений мы решительно осуждаем и отвергаем, как яблоко Аталанты¹⁴, задерживающее бег. Такова задача нашей Естественной Истории.

Что касается содержания, то мы составляем Историю не только свободной и предоставленной себе природы (когда она самопроизвольно течет и совершает свое дело), какова история небесных тел, метеоров, земли и моря, минералов, растений, животных; но, в гораздо большей степени, природы связанной и стесненной, когда искусство и служение человека выводит ее из ее обычного состояния, воздействует на нее и оформляет ее. Поэтому мы описываем все опыты механических искусств, действенной части свободных искусств, многих практических приемов, которые не сопоставлены в особое искусство, насколько нам удалось все это исследовать и насколько оно содействует нашей цели. Более того, мы (чтобы высказать все о положении дела), не обращая внимания на высокомерное пренебрежение людей, уделяем этой части гораздо больше труда и внимания, чем той дру-

¹⁴ Приводимые примеры яблока Аталанты, букв азбуки и др. повторяются в «Н. О».

гой; поскольку природа Вещей сказывается более в стесненности посредством искусства, чем в собственной свободе.

При этом мы даем не только Историю Тел, но сочли сверх того необходимым требованием для нашего усердия отдельно составить также Историю самих Качеств¹⁵ (мы говорим о тех, которые могут считаться как бы основными в природе и на которых явно утверждены начала природы, как на первичных претерпеваниях и стремлениях материи, а именно о *Сгущенности, Разреженности, Теплоте, Холоде, Плотности, Разжиженности, Тяжести, Легкости* и многом другом).

Чтобы сказать теперь о тонкости, – мы стараемся изыскать гораздо более тонкий и простой род опытов, чем те, которые ныне встречаются. Мы выводим из тьмы и обнаруживаем многое, что никому не пришло бы на ум исследовать, если бы он не устремился верным и прямым путем к нахождению причин; потому что сами по себе эти опыты не приносят никакой особенной пользы, так что совершенно ясно, что их ищут не ради них самих, но они имеют такое же значение для вещей и практики, какое имеют для речи и слов буквы алфавита, которые, будучи бесполезны сами по себе, тем не менее составляют элементы всякой речи.

В выборе же опытов и того, что мы рассказываем, мы позаботились о людях, как мы полагаем, лучше, чем те, кто до сих пор занимался Естественной Историей. Ибо мы при-

¹⁵ «История самих качеств» – речь идет о простых свойствах вещей.

нимаем все лишь в случае очевидной или по крайней мере усматриваемой достоверности, с величайшей строгостью; так что мы не приводим ничего прикрашенного с целью вызвать удивление, но все, что мы рассказываем, свободно и очищено от сказок и суетности. Более того, некоторые распространенные и прославленные выдумки (которые вследствие какого-то странного попустительства получили силу и укоренились на протяжении многих веков) мы особо упоминаем и клеймим, чтобы они больше не вредили наукам. Ибо, если сказки, суеверия и выдумки, которыми няньки дурманят детей, серьезно извращают их умы, как это разумно заметил кто-то, то и нас это же соображение заставило приложить старание и даже боязливую заботу, чтобы философия, коей как бы младенчество мы воспитываем в Естественной Истории, не привыкла с самого начала к какой-либо суетности. При этом для каждого нового и несколько более тонкого опыта, хотя бы (как нам кажется) надежного и заслуживающего доверия, мы все же присоединяем, ничего не скрывая, описание способа, которым мы производили опыт; чтобы люди, узнав, как обосновано каждое из наших положений, видели, какая в чем может скрываться и корениться ошибка и побуждались к более верным и более изысканным доказательствам (если таковые имеются); наконец мы повсюду рассыпаем напоминания, оговорки и предупреждения, и в своих опасениях прибегаем чуть ли не к заклинаниям, чтобы устранить и отбросить все ложные представления.

Наконец, зная о том, как опыт и История рассеивают острие человеческого Ума и как трудно (в особенности для умов или слабых или предубежденных) с самого начала привыкнуть к общению с природой, мы часто присоединяем свои замечания, как некие первые обращения и уклонения и как бы просветы от Истории к философии, чтобы в этом был для людей и залог того, что они не всегда будут оставаться в пучинах Истории, и чтобы тогда, когда мы дойдем до дела разума, все было более подготовлено. При помощи такого рода Естественной Истории (какую мы описываем) мы считаем возможным создать надежный и удобный доступ к природе и доставить разуму доброкачественный и хорошо подготовленный материал.

После того как мы и разум укрепили самыми надежными средствами помощи и поддержки и со строжайшим отбором составили правильный строй божественных дел, не остается, казалось бы, ничего иного, как только приступить к самой философии. Однако в деле столь трудном и рискованном необходимо еще предпослать кое-что, отчасти для получения, отчасти ради непосредственных применений.

Первое здесь – это дать примеры исследования и нахождения согласно нашему правилу и методу, представленные на некоторых предметах; выбирая преимущественно такие предметы, которые и представляли бы наибольшую важность среди всего, что подлежит исследованию, и были бы наиболее различны между собой, чтобы ни в одной области

не отсутствовал пример. Мы говорим не о тех примерах, которые присоединяются для пояснения к каждому предписанию и правилу (ибо такие примеры мы в изобилии дали во второй части сочинения); мы понимаем под ним настоящие типы и образцы, которые должны на известных предметах, и притом разнообразных и значительных, поставить как бы перед глазами все движение мысли и весь непрерывный ход и порядок нахождения. Здесь нам приходит на ум, что в математике при наличии прибора доказательство получается легким и наглядным; без этого удобства, напротив, все представляется запутанным и более сложным, чем оно есть на самом деле. Итак, примерам этого рода мы уделяем четвертую часть нашего сочинения, которая в сущности есть не что иное, как обращенное к частному и развернутое применение второй части.

Пятая часть применяется только временно, пока не будет завершено остальное, и выплачивается, как проценты, пока не окажется возможным получить весь капитал. Ведь мы не в таком ослеплении устремляемся к нашей цели, чтобы пренебрегать тем полезным, что нам встречается по дороге. Поэтому пятую часть сочинения мы составляем из того, что мы или изобрели, или одобрили, или добавили; притом не на основании правил и предписаний истолкования, а на основании того же применения разума, каким обычно пользуются другие в исследовании и нахождении. Ибо, хотя благодаря нашему постоянному общению с природой мы ожидаем от

наших размышлений большего, чем это позволяли бы нам силы Ума, однако то, о чем мы говорим, сможет послужить как разбитая в дороге палатка, в которой Ум, устремляясь к более верному, немного отдохнет. Однако мы уже теперь подтверждаем, что отнюдь не хотим оставаться при этом, как найденном или доказанном не на основании истинной формы истолкования. Пусть никого не устрашает эта задержка суждения в том учении, которое не утверждает просто, что ничего нельзя знать, а лишь что ничего нельзя узнать иначе, как в определенном порядке и определенным методом; устанавливая однако при этом в целях облегчения практики известные степени достоверности на то время, пока Ум задерживается на объяснении причин. Ведь даже и те школы философов, которые прочно утверждали *Акаталепсию*¹⁶, были не хуже тех, которые пользовались свободой высказывания; но они не доставили средств помощи чувству и разуму, как это сделали мы, а только отвергли веру и авторитет; а это нечто совсем иное и даже почти противоположное.

Наконец шестая часть нашего сочинения (которой остальные служили и ради которой существуют) раскрывает и предлагает ту философию, которая выводится и создается из такого рода правильного, чистого и строгого исследования

¹⁶ В афоризме СХХVI ч. I «Н. О.» Бэкон говорит: «В действительности же мы думаем не об Акаталепсии, а об Евкаталепсии». Термином «Акаталепсия» скептики обозначали непознаваемость, термин «Евкаталепсия» образован самим Бэконом для обозначения противоположности, т. е., примерно, «удобопознаваемость».

(какое мы выше показали и наметили). Завершить эту последнюю часть и довести ее до конца – дело, превышающее и наши силы, и наши надежды. Мы дадим ей лишь начало, заслуживающее (как мы надеемся) некоторого внимания, а завершение даст судьба человеческого рода, притом такое, какое, пожалуй, людям, при нынешнем положении вещей и умов, нелегко постигнуть и измерить Умом. Ведь речь идет не только о созерцательном благе, но поистине о достоянии и счастье человеческом и о всяческом могуществе в практике. Ибо человек, слуга и истолкователь природы, столько совершает и понимает, сколько постиг в порядке природы делом или размышлением; и свыше этого он не знает и не может. Никакие силы не могут разорвать или раздробить цепь причин; и природа побеждается только подчинением ей. Итак, два человеческих стремления – к *Знанию* и *Могуществу* – поистине совпадают в одном и том же; и неудача в практике более всего происходит от незнания причин.

Таково положение вещей, если кто, не отводя от Вещей умственного взора, воспримет их изображения такими, каковы они на деле. Да не допустит того Бог, чтобы мы выдали за образец мира грезу нашего воображения, но да подает он в своей благодати, чтобы в нашем писании было откровение и истинное видение следов и отпечатков Творца на его творениях.

Ты, Отец¹⁷, который изначально дал творению свет видимый

¹⁷ Читателя не должно смущать обращение Бэкона, в предисловии к своему

и, в увенчание твоих дел, вдохнул в лицо человека свет разума, соблюди и направь этот труд, который порожден твоей благостью и взыскует твоей славой. Когда ты обратился, чтобы посмотреть на дело рук твоих, ты увидел, что все хорошо весьма, и опочил. Но человек, обратившись к делу рук своих, увидел, что все суета и томление духа, и опочить не мог. Поэтому, если мы в поте лица потрудимся в твоих делах, то ты сделаешь нас причастными твоему видению и твоей субботе. Молим тебя укрепить в нас этот дух; и руками нашими и других, кому ты уделишь от этого духа, ниспослать роду человеческому новые подаяния твоего милосердия.

* * *

Отсутствует первая часть *Восстановления*, которая обнимает *Разделение наук*.

Однако до некоторой степени его можно извлечь из второй книги Об успехах в Учении Божественном и Человеческом.

* * *

Следует вторая часть *Восстановления*, которая содержит самое искусство истолкования природы и более правильного

сочинению, к Богу с молитвой. В XVI в. это было общепринято. Об отношении Бэкона к религии см. вступительную статью.

применения разума; но не в форме законченного трактата, а лишь представленного в очерке, в виде афоризмов.

**Вторая часть
сочинения, называемая
Новый Органон,
или Истинные указания
для истолкования природы**

Предисловие

Те, кто осмелились говорить о Природе как об исследованном уже деле, делали ли они это из самоуверенности, или из тщеславия и привычки поучать, принесли величайший вред философии и наукам. Ибо, насколько они были сильны для того, чтобы заставить верить себе, настолько же они были убедительны для того, чтобы загасить и оборвать исследование. Они не столько принесли пользы своими способностями, сколько вреда тем, что погубили и совратили способности других. Те же, которые вступили на противоположную дорогу и утверждали, что решительно ничего нельзя познать, — пришли ли они к этому убеждению из ненависти к старым софистам, или по причине отсутствия стойкости духа, или вследствие обладания некоторой ученостью, — приводили в пользу этого доводы, которыми, конечно, нельзя пре-

небрежь. Однако они выводили свое суждение не от истинных начал и, побуждаемые каким-то ложным стремлением, решительно превзошли меру. Древнейшие же из греков (писания которых погибли) более благоразумно удерживались между самонадеянностью окончательных суждений и отчаянием акаталепсии. И хотя они часто повторяли сетования и жалобы на трудность исследования и темноту Вещей, однако они, как бы закусывая удила, не переставали стремиться к цели и изучать Природу. Они (как видно) полагали, что этот вопрос (а именно: можно ли что-либо познать) разрешается не спором, а опытом. Но и они, пользуясь только стремительностью разума, не прилагали правил, но все возлагали на изощренное размышление, на подвижность и постоянную деятельность ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.